

С. С. Динисламова

**Картины народной жизни в повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания»
(к вопросу об этнографизме творчества мансийского писателя)**

Аннотация. Юван Шесталов принадлежит к плеяде выдающихся литераторов Севера, творческий путь которых начинался в советские годы. Тема родины, народа является для писателя-манси актуальной и закономерной. В повести «Синий ветер каслания» (1964) основное внимание привлечено к жизни и труду оленеводов. Все размышления главного героя пронизывает вопрос о будущем оленеводства и оленеводов на Севере, шире – вопрос о судьбе родного народа. Герой не может примириться с тем, что оленеводов не хватает, да и ягель – основной корм оленей – катастрофически убывает. Проблема природы и хозяйского отношения к ней одна из животрепещущих в повести.

Персонажи в произведении разделяются на две группы: тех, кто замкнут в рамках национального уклада жизни, и тех, кто осознает значение исторического поворота в их судьбе. К этой группе относятся комсомольцы и национальная интеллигенция. Они, как и главный герой, говорят о предрассудках, суевериях и вере в злых духов, радуются нефтегазовому освоению Сибири.

Шесталов в ярко выраженной форме воплотил в повести всю специфику национального сознания, духовной жизни, культуры и быта народа. Рассказывая о своем народе, он художественно осмысливает его неповторимость и одновременную связь со всей страной, с мировой историей человечества, его культурой.

Ключевые слова: Юван Шесталов, традиции, манси, образ дома, мансийская литература, «Синий ветер каслания».

S. S. Dinislamova

**Pictures of national life in the story of Yu. Shestalov «Blue Wind of the Nomadism»
(to the question about ethnographism in creativity of the Mansi writer)**

Abstract. Yuvan Shestalov belongs to the whole cohort of outstanding writers of the North, whose creative careers began in Soviet times. The theme of the motherland and own people is actual and natural for the Mansi writer. Main attention in the story "Blue Wind of the Nomadism" (1964) is drawn to the life and work of reindeer herders. All reflections of the protagonist are penetrated by the thought about the future of reindeer herding and reindeer herders in the North, and the thought about the fate of his native people more deeply. The main character cannot reconcile with the fact that there is a lack of reindeer herders, and the reindeer moss, the main forage of deer, is catastrophically decreased. The problem of nature and proprietary attitude to it is one of burning topic in the story.

The characters in the novel are divided into two groups: the characters which are closed within national way of life, and the characters who realize the importance of the historic turnaround in their destiny. This group includes members of the Komsomol and the national intelligentsia. They, like the protagonist, talks about the prejudices, superstitions and the belief in evil spirits, they rejoice at the oil and gas development in Siberia.

Shestalov in a strongly pronounced form embodied all the specifics of national consciousness, spiritual life, culture and way of life of the people in the story. Speaking about his people, he artistically interprets its originality and simultaneous connection with the whole state, with the world history of mankind, with its culture.

Key words: Yuvan Shestalov, traditions, Mansi, image of the home, Mansi literature, "Blue Wind of the Nomadism".

Юван Шесталов как писатель рос со своим временем. Сама эпоха диктовала и определяла содержание его творчества. Он принадлежит к плеяде выдающихся литераторов Севера, творческий путь которых начинался в советские годы. Изменение политики государства, принятые нормативные документы, постановления 1928–1930-х годов позволили ранее бесписьменным народам Севера поделить свой духовный достоянием, показать своеобразие культуры, выдвинуть первоклассных художников слова (Григорий Ходжер, Юрий Рытхэу, Владимир Санги, Юван Шесталов и др.). Развитию их таланта, несомненно, способствовало современное литературное окружение. Важным для писателей был именно творческий поиск.

Ю. Шесталов с раннего творчества пытается найти в себе и в мире связь, цельность, гармонию. Он, выросший на своей маленькой родине с ее девственным миром тайги, рек, озер, колоритного быта создавал свои произведения в другой среде – в громадном сложном мире города, цивилизации, искусства. Для него, только-только оставившего семью, дом, поселок, край, тема родины, народа является актуальной и закономерной. Многие стихотворения Ю. Шесталов посвящает родному краю, народу, радостно и искренне выражает патриотические чувства, гражданскую позицию.

Известно, что уникальная и самобытная культура и быт народа манси всегда зависели от образа жизни в суровых условиях Севера. В современное время, овладев достижениями цивилизации, народ сумел сохранить древние традиции и обычаи предков. Е. И. Ромбандеева справедливо считает, что со времен далекого прошлого именно традиционные обряды сплачивали людей, приобщали к жизни коллектива, т.е. выполняли социальную функцию.

М. А. Лапина отмечает, что в исторический период, когда поведение людей регулировалось одними обычаями, детально предписывавшими, что следует делать и что не следует делать, «люди не могли осознать причинную зависимость между действиями и теми духовными качествами, которые этими действиями вырабатыва-

лись. С осознанием указанной зависимости наряду с обычаями стали возникать народные традиции» [1, 4–5]. Для понимания основ традиционной культуры важно знать общий уклад жизни народа, его мировоззрение и социальную организацию.

Приведем высказывания Е. И. Ромбандеевой, отчасти раскрывающие традиционный образ жизни и основы национальной социокультурной среды: «Основным занятием манси с глубокой древности была охота и добыча диких животных. Это отмечается во всех самых ранних фольклорных произведениях: мужчина охотится, а женщина шьет соболиную шубу. Позднее появляется оленеводство. <...> Поселения были маленькими, состояли из нескольких домов... Жили манси в деревянных домах, чаще с одним окошком. Кочевали посезонно: летом поселялись на самом берегу реки, многие отправлялись на больших лодках-каюках к низовью реки, к Оби, навстречу поднимающейся рыбе» [2, 6]. В летнее время также устраивались заборы для ловли рыбы на реках, кроме этого люди занимались сбором дикоросов. Второе высказывание ученого о роли женщины в семье: «На долю матери-северянки ложилась большая ответственность: она должна была выдержать тяжелый домашний труд в суровых условиях Севера, поднять на ноги детей, сформировать из мальчика будущего северянина-охотника, а из девочки – будущую мать-северянку, которая была бы в состоянии продолжить свой человеческий род (муж же – добытчик пищи и одежды из природы, она – хранитель очага, тепла и благополучия в доме)» [2, 11]. Социальная функция женщины, ее роль жены, матери и члена коллектива были достаточно высоки. В традиционной жизни манси четко были определены взаимоотношения в семье и распределены обязанности между ее членами.

Юван Шесталов воспитывался в традиционных условиях. В детские годы основная роль в формировании его личности принадлежала матери, бабушке (ась-ойка) и бабушке (анеква). С их помощью будущий писатель освоил опыт прежних поколений: родной язык, знания, этические нормы, обычаи, выработал свое отношение к рели-

гии; научился видеть дороги звездного неба, по цветам и мху распознавать тайны земли, в пенье вьюги различать изменение погоды. Без матери Ю. Шесталов остался рано, в школьные годы воспитывался в новой семье отца. В школе учился с удовольствием, любил литературу. Творческая мысль проснулась в нем в молодые годы, и ожившие воспоминания событий юности и детства превратились в яркие художественные образы произведений. Их тематику, конечно же, обусловила судьба народа, его прошлое, настоящее и будущее. «Устремляясь в будущее, стоит обратиться и к прошлому, но не в порыве самолюбования или тоски по ушедшим дням, а в поисках мудрости, золотых крупиц опыта, накопленного поколениями людей, сумевших не только выжить в суровейших условиях Севера, но и создать самобытную культуру» [3, 36], – так писал Шесталов в одном из своих очерков. Он вспоминал, как тронуло его сердце слово «дикарь» в книге К. Д. Носилова «У вогулов». Возможно, это слово не взволновало бы его, если бы было высказано враждебным человеком, не писавшим так проникновенно о народе манси. Писатель считает, что слово могло бы относиться и к нему, так как не просто сломить складывающееся веками представление о «дикаре», о неполноценности северян, детей природы. И поэтому в писательской деятельности, прежде чем произнести: «Я – человек. / Перед именем этим / Быть мне пожизненно в строгом ответе!» [3, 86], Ю. Шесталов размышлял над многими вопросами, в том числе и над такими: Кто я? Кто мы? Человек нового мироотношения, он с трогательной заботливостью разбирается в многовековом наследии своего народа. И именно от древних ощущений близости с природой, от знания истории народа, его подлинных духовных богатств он с гордостью чувствует себя гражданином страны. Ю. Шесталов считает, что развитие северных литератур могло пойти по разным путям, но опыт, накопленный мировой литературой подсказал, что объектом произведений должен быть именно человек, а не экзотика Севера.

Писатели-северяне правдиво рассказывают о своих народах, раскрывают их внут-

ренний ранимый мир. Они повествуют и о природе края, что свидетельствует о том, что их предки гармонию природы постигали интуитивно, в нелегкой борьбе со стихией. Это и обусловило тематику и проблематику их произведений: взаимосвязь природы и человека, судьба народа, перемены, которые претерпевает край в связи с интенсивным промышленным освоением. Этот круг тем нашел отражение и в произведениях Шесталова, он донес до читателя «древнюю музу Севера, поведал о белой тайге, где бродит жизнь рядом со сказкой» [4; 5], рассказал о времени и о своем народе. Его повести адресованы широкому кругу русскоязычных читателей. Они общедоступны, но чтобы их понять, надо знать национальные истоки культуры этноса. И для этого писатель в каждое повествование мастерски привносит предания, легенды, сказки, мифы, связанные с историей народа. На основе их возникает широкая историко-культурная панорама национальной жизни. Герой Шесталова в каждом произведении реализуется лишь в единстве с народом.

Обратимся к повести «Синий ветер каслания», созданной Шесталовым в 1964 году. Художественная структура произведения, на первый взгляд, кажется простой и непритязательной. Молодой учитель после завершения учебы в Ленинграде возвращается в родное село, в свой родной дом. На комсомольском собрании молодежь решает помочь оленеводам и направляет в каслание несколько добровольцев, среди которых оказывается и центральный герой. Повесть рассказывает о том, что увидел, услышал, прочувствовал и передумал герой за первый месяц каслания, что он узнал о своих старых и новых друзьях и знакомых, что он вспомнил из своего детства. Внимательное прочтение текста позволяет сделать вывод, что через воспоминания, думы, чувства героя писатель показывает, как непрост путь от «тысячелетнего сна» к современной действительности, связанной с городом, школой, нефтегазовым освоением Сибири, в котором много положительного, но достаточно и отрицательного. Повесть является не только средством самовыражения художника, но и помогает глубинному

познанию психологии манси. Основное внимание писателя привлечено к жизни и труду оленеводов. Каслание – это кочевье оленеводов, это длинная и трудная дорога от Оби до Урала, в которой «...не семь раз поставишь на пути теплый чум, а больше; не семь болот надо пройти, а больше; <...> не семь дум передумаешь, а больше; не семь раз испытаешь себя, а больше!» [5, 309]. Пастухи круглый год кочуют по тайге в поисках ягеля, единственного корма для оленей. Существование многих и многих поколений манси обеспечивалось только движением, неустанной деятельностью, борьбой со стихией.

Повесть состоит из отдельных глав, посвященных участникам каслания. Они перемежаются пейзажными зарисовками, описанием обрядов манси. Лирико-философское звучание повествования идет от описаний природы, раздумий о жизни, о детстве. Все размышления пронизывает вопрос, который является идейным центром повести – вопрос о будущем оленеводства и оленеводов на Севере, шире – это вопрос о судьбе родного народа. Сначала размышления героя об оленеводах носят противоречивый характер, люди ему кажутся странными, словно пришли с другой планеты. Как они могли остаться такими? Он обеспокоен этим вопросом, не может понять, почему кочевые оленеводы отстали от своих сородичей «словно на целое столетие» [5, 309]. «Оленье стадо – так ли уж нужно оно в современной жизни?» [5, 309] – одолевают сомнения героя-повествователя. В дальнейшем, окунувшись в жизнь каслания, он уже удивляется силе и мужеству оленеводов: «А какой он, этот человек-олeneвод? Не из камня ли он вытесан, не изо льда ли он слеплен, не северными ли ветрами он на свет рожден? Для меня это порою тайна» [5, 458]. А слова бригадира Микуля: «Учителю не обязательно уметь управлять оленями... <...> Какой же ты манси, если не умеешь ездить на оленях!» [5, 334] наводят его на еще более глубокие раздумья: это учитель виноват, что дети оленеводов не хотят стать оленеводами: «Может, в этом виноват и я? Виноваты и все учителя, нет внимания к профессиям древним» [5, 334]. К этой мыс-

ли герой будет приходить еще не раз, расширяя и углубляя ее. Писатель, а вместе с ним и герой не могут примириться с тем, что оленеводов не хватает, да и ягель – основной корм оленей – катастрофически убывает. Проблема природы и хозяйского отношения к ней одна из животрепещущих в производстве.

Говоря о проблемах, поднимаемых писателем, уместным будет привести высказывание В. Огрызко, позволяющее увидеть проблему понимания (непонимания) чужой культуры как специфического способа жизни людей. В статье «После потрясений» (2003) В. Огрызко отмечает, что в 1960–1980 гг. советская критика повесть «Синий ветер каслания» прочитала «совершенно неправильно». К. Зелинский, Д. Романенко, Б. Комановский «не заметили» в ней то, что герой Шесталова уже настолько привык к городской культуре, что перестал понимать большую часть традиций родного народа. Каслание превращается для него в некий способ познания истории и культуры манси. В то же время мы находим у В. Огрызко и такие слова: «Я помню признания хантыйского литератора Леонида Тарагупты. Волею обстоятельств Тарагупта рано оторвался от родной почвы, проведя почти все детство в интернатах. Какое-то время он полагал, что мир его деда, во многом жившего старыми преданиями, никому не нужен. И только встреча с повестью Шесталова в корне переломила отношение Тарагупты к своему происхождению. Как он признавался, Шесталов повестью «Синий ветер каслания» <...> как бы вернул его домой, к первоистокам, заставив дорожить хантыйскими корнями» [6, 208]. Ханты и манси – родственные народы, их культурные традиции переходят из поколения в поколение, не теряя своей первоосновы. Мы видим, что Л. Тарагупта с помощью творчества Шесталова смог вернуться к истокам культуры. Подытожим высказывание и тем, что далеко не каждому читающему подвластно вникнуть в чужую культуру. В связи с этим книги писателей-северян порой вызывают неоднозначную оценку.

В повести «Синий ветер каслания» все персонажи разделяются на две группы: тех, кто замкнут в рамках национального уклада

жизни, и тех, кто познал «мир иной», представителей манси, которые осознают значение исторического поворота в их судьбе. К этой группе относятся, прежде всего, комсомольцы и национальная интеллигенция. Они, как и главный герой, говорят о предрассудках, суевериях и вере в злых духов, радуются нефтяным фонтанам – черному золоту. Об этих героях К. Зелинский сказал, что «это наши современные люди: бригадиры, геологи, оленеводы. В этом смысле Шесталов как бы отвечает на задачу молодым литераторам Сибири изображать современного героя. Но современный герой вместе с тем как бы постулирует реализм. Он требует изображения себя в реалистическом аспекте; вместе с тем этот современный герой вдвинут в древнюю еще обстановку. Таким образом, современное перевито со стариной, нашедшей отражение еще в фольклоре» [7, 114].

Например, таким героем в повести можно считать зоотехника Арсентия. Оленеводы называют его большим человеком, охраняющим оленей, самым главным оленеводом. К нему, несмотря на молодые годы, относятся почтительно, с уважением. Семейная жизнь героя не сложилась, однажды он вернулся с каслания в пустой дом: жена уехала с другим. Однако счастье свое Арсентий нашел в служении людям: «Даже когда на всей планете будет коммунизм и космические корабли полетят вон туда... – указывая на солнце, говорил Арсентий, – даже тогда в душе каждого из людей будет жить своя родина – та земля, где родился человек, тот народ, из глубины которого он вышел на дорогу жизни.

Народы Севера маленькие, как орешки на огромном и величественном кедре. Но и у нас есть свое, то, чего нет у других народов: свои легенды, песни, умение с улыбкой жить в суровых условиях нашего Севера. Кто быстрее поймает в тайге соболя, в Оби – осетра, в стаде – оленя? Конечно, северяне!» [5, 364]. Арсентий рассудителен, когда «мудрые оленеводы, древние оленеводы в тупике», он обо всем знает, «он думает вслух, предлагает, советуется со стариками. Те тоже думают вслух, говорят...» [5, 362].

В повести наряду с темой современной действительности представлены Шесталовым и историко-культурные особенности мансийского народа. На примере своих многочисленных героев писатель воспеваает национальные черты характера, такие как выносливость, честность, стойкость. Его герои с удовольствием пьют горячую оленью кровь, едят сырую мороженую печень оленя – «лакомство богов»: «Стружки темно-красной печени тают на языке. Кажется, просыпается в теле каждая жилка – так вкусно! И всякие мысли – и летающие на легких крыльях, и бредущие тяжелыми шагами – исчезают, как тени. И этот низенький столик кажется самым богатым: ведь на нем сегодня лакомство богов. У жителей деревни – у рыбаков и охотников, трактористов и доярок – такой стол бывает не каждый день. А у оленеводов... другое дело. С ними олени...» [5, 330].

Историко-культурные особенности народа ярко раскрываются на примере представителей старшего поколения – хранителей традиций. С искренним уважением и одновременно с юмором автор рисует образы Потепки, Вун-Ай-Ики, Яныг-Турпка-Эквы.

Потепка в прошлом был всеильным шаманом, в новом времени он называет себя артистом. Он выступает на смотре художественной самодеятельности: «В руках его был санквылтап. Потепка провел слегка пальцами по струнам звонкого санквылтапа и запел:

Живу, думаю, думаю:

«Трудно человеку жить без колхоза,
Очень плохо жить без колхоза!»

Живу, думаю, думаю:

«Плохо на лодке плыть без мотора!
Грести веслом, как в старину, –
Очень плохо!»

Живу, думаю, думаю:

«Трудно человеку жить без колхоза!
Как зимою пойдешь в селенье далекое?
Пешком, как в старину?»

Живу, думаю, думаю:

«Зачем в старину народу шагать?

Вперед, не назад человеку шагать при-
стало!»

Живу и думаю, думаю, думаю!» [5, 377].

За хорошее выступление народ решает отправить Потепку в окружной центр, куда съедутся лучшие артисты манси. Только лишь одна «древняя старуха с головою белее снега не отрывала колючих маленьких глаз от Потепки. Она следила за каждым его движением и, кривя беззубый рот, злобно шамкала:

– Пляши, пляши! Шайтан покинул тебя и никогда не вернется к тебе! Смотрите, до какого позора дошел Потепка!» [5, 377].

Выступая в окружном центре, артист, исполняя «Песню летящих гусей», показал свою истинную шаманскую силу духа: «И все, кто был в зале, услышали, как сильные, гордые птицы рассекают крыльями воздух, и мы ощутили бескрайний простор небес и счастье полета под облаками» [5, 378]. В отличие от Потепки Яныг-Турпка-Эква ко всему новому относится настороженно. Она укоряет сына: «Эх, Силька, Силька! Женился. На ком женился! Мансийка, а лазит на крышу. Урас! Урас! Сейчас старые манси не хотят в дом войти» [5, 397]. Наста ушла, сердце Сильки раздвоено. Он понимает, что живет в новой эпохе, в новых условиях и надо начинать жизнь сначала, но воспоминания рисуют картины прошедшего: «Он жил в мире богов, что ростом не выше беличьего хвоста. Они маленькие, но обладают великой силой. Пред ними трепещет и маленький Силька, и все манси. Он мечтает быть похожим на своего деда, который призывал людей следовать старым мансийским законам, уважать и слушаться своих богов» [5, 399].

В повести у каждого героя свой путь и каждый из героев соединяет в себе все хорошее прошлого и современного. Как отмечает В. Д. Лебедев, «художник нащупывает пути к воссозданию эпоса народной жизни; его повесть не только исповедь лирического героя, не только раздумья о новом и старом в национальных традициях, но и попытка реконструировать историческую перспективу народной жизни» [8, 110].

Реконструкция народной жизни продолжается в повести через описание бытовых реалий этноса. Это усиливает и этнографизм повести, и является демонстрацией социокультурной идентификации народа в

художественном тексте, т. е. тем, что станет одной из основополагающих черт авторской стилистики Ю. Шесталова. В качестве материального основания человеческой жизни рассмотрим образ дома и предметы, составляющие его интерьер.

В начале повести, когда герою соглашается ехать в каслание для помощи оленеводам, а потом сожалеет о своем поступке, дом – чум, в котором он живет вместе с оленеводами, показался ему холодным, серым и грязным. Он, чтобы улучшить, облагородить жизнь соплеменников, думает о лёгких дюралевых домиках и световых чумах из пластмассы.

Вместе с другими людьми он спит на оленьих шкурах, постеленных на еловые ветки и снег, используя вместо одеял меховые шубы. В центре чума стоит железная печка. Герою холодно и одиноко. Его одолевают мрачные мысли. Но вот стали просыпаться люди, уже «трещит железная печь, через щели дверцы летят искры, и уже струится мягкое, нежное тепло, без которого чум будто холодное подземное царство» [5, 329]. Вскоре, «как в сказке», перед героем появляется низенький столик. На ней железная зеленая чашка. Такие же столики устанавливают для своих семей и другие обитатели чума. На столе появляется «стружками вкусная-превкусная, мерзлая-премерзлая печень оленя», люди наслаждаются едой, и, улетают «ненастные мысли»... И вскоре жизнь в каслании показалась ему родной и близкой. Он восклицает: «Кажется, дышал я тысячу лет этой жизнью, кажется, и совсем не жил я. И потому чувствую себя так, как будто текут во мне две бурные речки» [5, 310].

Интересны размышления героя, когда он начинает понимать функциональное значение каждого предмета в чуме и место человека в этом пространстве. Например, «Чум спит. Люди спят. Их головы лежат словно по окружности. А сами они как будто радиусы, тянущиеся от окружности к центру. У всех ноги сходятся у печки, у центра. Удивительно, ни один не лег головой к печи. Даже я, и то почему-то лег, как все. Странная геометричность спящего чума немного отвлекла меня, и я забыл про холод» [5, 328].

Через размышления героя раскрывается и семантическая структура дома-чума, например, образы «пограничной зоны», как «стены», верхнее отверстие жилища и отверстие, заменяющее двери. Отверстие-дверь находится «в стороне от чума, куда печь смотрит железной решетчатой дверцей», оно завешано оленьей шкурой. «Стены» жилища – это «шкура, гладкая, поседевшая от времени», она наклонно «убегает... все выше и выше», наверху (верхнее отверстие), на связанные черные жерди «наброшен лоскуток синего неба», откуда «смотрят бледные звездочки». В данном случае границы конкретно жилой зоны человека достигают запредельных высот, и, конечно же, выходят далеко за горизонт, ведь для оленеводов дом – это земли от Оби до Урала. Убранство общего дома – «широкоплечие кедры», «лесная речка», «каменистые перекаты», «избушка на курьих ножках», «ели, да кедры, да небо, да снег, снег, снег без конца и края» [5, 322].

Разновидностью дома в повести представлена и брезентовая палатка. Комсомольцы, думая, что она более удобная для проживания, решают жить в ней. Оленеводы называют ее «Дом старушки, делающей нитки из жил. В жилу в ней превратишься от холода» [5, 430]. («Старушка, делающая нити из жил» – это Танварпэква – мифологический персонаж дисгармонического характера, плетущая нити из жил (сухожилий) человека). Новое жилище у молодежи получилось уютным. Посреди просторной палатки с окнами стоит стол, накрытый зеленой скатертью, на столе – журналы, газеты, радиоприемник, по которому вещала Москва. Показывали в палатке и диафильмы. Функциональное значение данного дома – культурно-просветительная работа, в соответствие с этим, комсомольцы называли свой дом – Красный чум.

Следующим лексическим обозначением дома можно назвать чум-шалаш. Мальчик Епа не захотел вместе с другими оленеводами спать под открытым небом – общим домом. Он знает, что в их общем доме ночью бывает холодно, и он ставит небольшой чум из снега и еловых веток. В свой чум он пытается втащить шкуру оленя, но она не вмещается в жилище. Дом Епы не

был похожим на куропачий чум, который делается только из одного снега, его дом – это конусообразный чум из веток, связанных наверху тынзяном. Мы видим три типа человеческого жилища с разными размерами, изготовленными из разного материала, с разной организацией пространства, но с одинаковой функцией.

В повести домом для самых маленьких кочевников служит берестяная люлька. Люди спят в тайге у костра. Рядом с родителями спит в люльке, укутанной в сахи (сахи – женская меховая шуба), Мань-пыг. Над ними скользят синие лучи луны, «они спят спокойно, как будто нет мороза, как будто это все обыкновенно...» [5, 343]. К люльке относятся особенно заботливо: «Мать вытряхивает мокрую труху из ночной люльки... <...> Все спали в такой люльке, со связанными руками и ногами. Шевельнуться даже нельзя. Можно только повернуть голову набок.

Зато ночью не мерзнешь... Хотя и неудобно, зато живешь, в чуме живешь, на нарте живешь, когда поет вьюга – живешь, когда всех клюет дождь – а тебе тепло, а ты живешь! Вот такая ночная люлька, сделанная из бересты, с узорами леса, оленьих рогов, следов лягушек и птиц» [5, 352]. Говорится в повести и о дневной люльке: «Она тоже из бересты. На ней тоже узоры. Еще ярче. И красные, и желтые. И сделаны они гораздо аккуратнее. Ведь это дневная люлька. На нее смотрят люди. Смотрит и дитя. А на люльке навешаны бляхи, и колокольчики звенящие, и разноцветная бахрома. В отличие от ночной, в дневной люльке есть спинка» [5, 352].

Для оленеводов жизнь в каслании проходит в постоянном движении. Основное средство передвижения – олени нарты: «А утром – опять дорога. И стадо движется. И жена, и дети в нартах... Бегут олени, бежит дорога, пляшет мороз – и так всю жизнь!...» [5, 458]. Применительно к жизни оленеводов, нарты также можно соотнести с семантическим полем образа «дом», но их можно рассматривать и как предмет большого дома кочевников – тайги.

В тайге людям уютно в любое время года. Одно из основных средств создания уюта – костер: «Развели костер. И скоро

была готова уха. Поели, попили чайку. И тепло, как в летний вечер, стало» [5, 320]. Или «А вечером разожжешь костер на хрустящем, как сахар, снегу и посмотришь на деревья, тебе покажется, что они ожили, зашевелились ветки, от тепла людского вдруг зашептали...» [5, 322]. Есть в большом главном доме и обстановка: «Мы сидим за маленьким столиком с короткими ножками. Рядом пылает костер. А на небе солнце. Тает снег от костра, солнца и от нас. Даже столик вот-вот провалится в снег. Но мы не идем в чум. Там нет солнца, костра, этого чудного бескрайнего простора. Квартира под голубым небом – лучшая квартира в мире: самая светлая, просторная, чистая» [5, 358].

В повести обращает на себя внимание и символично-мифологическое значение образа «дом». Представители старшего поколения – люди, признающие только традиционную культуру, бережно охраняют свой дом от новых современных влияний времени в культуру народа манси. Наста – человек новой формации, она поднималась на крышу дома, из-за чего теперь «...старые манси не хотят в дом зайти», считают его оскверненным, нечистым. Яныг-турпкаква выговаривает сыну: «Шел на поводу у жены. Мужчина! Жил под поганой крышей» [5, 352]. Нарушение мансийских традиционных законов – нарушение домашнего космоса привело к разрушению гармонии, уюта, личного счастья героев. Но Силька, как уже отмечалось, не намерен отказываться от своего национального, ведь через всю повесть Шесталов проводит мысль, что человек, потерявший связи с родным краем, народом, не достоин уважения. В подтверждении данной мысли он раскрывает образ Усюпа. Для Усюпа, отказавшегося от народных традиций и родного дома, т. к. там «нет условий для культурного отдыха», символика дома, как семейного очага, утрачена, дом у него приобретает планетарный размах: «Моя родина – планета Земля. Мой народ – земляне» [5, 364]. Уподобление дома космосу, казалось бы, связано с мифологическим сознанием, но только не в этом случае. Усюпа испортила городская жизнь: «Поживет, поболтается в одном месте, надоест – махнет в другое.

Курсов много. И поступить легко – везде северянам льготы: одежда, бесплатное питание...<...> Всюду танцы, музыка... Не жизнь, а сладкая морошка!» [5, 363]. Усюп еще не осознает свою «бездомность», возможно и не способен постичь этого своим разумом, но «отмежевание» от традиций уже произошло, и как следствие – утрата личности. Он забыл свой родной язык, «...со старой матерью стал разговаривать на непонятном ей языке. Она, как испуганная зайчиха, таращила на него глаза. Вздыхала. Видя, что она не понимает, он показывал, изображал слова руками...» [5, 363].

Отметим также и то, что дом у Шесталова чаще всего отождествляется с семейным очагом, вокруг которого собираются члены семьи, совершают ритуалы, представлено и отношение людей к дому как безопасному пространству, охраняемому духами-предками: «На столе стояли большие чаши. Ароматным паром дымилась голова оленя, разрубленная на куски. Из одной деревянной чаши смотрели глаза рогатого. В другой лежал его язык. Восторженные лица, плавные движенья, таинственный полусшепот наполняли торжественностью мансийский ужин. Кажется, стол расширился, кажется, дом расширился, кажется, весь мир огромный сегодня в этом доме. Кажется, над этим паром, что чуть не светится радугой при тусклом электричестве, выются наши боги...» [5, 316]. В доме проводятся обряды поклонения духам-покровителям: «Надо бы сначала подняться вам на крышу и отнести шайтану, хозяину нашего дома, дымящиеся глаза оленя, да хотя бы чарочку пылающей воды» [5, 317]; или «И вот затлел где-то в доме сэныг. Наполнился дом волшебным воздухом, которым дышат только шайтаны в небе» [5, 371], а «вечером все родственники собрались вместе. У южного угла дома убили оленя для пиршества. По обычаю, на этом месте были одни мужчины» [5, 371].

Юван Шесталов в повести «Синий ветер каслания» правдиво отразил картину жизни народа манси с его исконными древними традициями, своеобразным бытом. Считаю, что именно образ дома является у писателя одной из важных составляющих национальной картины мира. Образ «дома»

вбирает в себя множество понятий: семья, очаг, память о предках, соблюдение традиций, связь поколений. У каждого «дома» есть свои святыни. В целом, «дом» ассоциируется с мирной жизнью, любовью, уютом, домашним теплом. «Дом» – это и образ страны.

Примечательно, что Ю. Шесталов в ярко выраженной форме воплотил в произведении всю специфику национального сознания, духовной жизни, культуры и быта

народа. Рассказывая о своем народе, он художественно осмысливает его неповторимость и одновременную связь со всей страной, с мировой историей человечества, его культурой. Созвучны в данном случае слова А. Никулькова: «Первый писатель манси Ю. Шесталов сознает свою миссию – сохранить, выразить, ввести в мировую культуру дух своего народа и его исторический опыт» [9, 273].

Литература

1. Лапина, М. А. Этика и этикет хантов [Текст] / М. А. Лапина. – 2-е изд-е. – Томск ; Екатеринбург : Баско, 2008. – 120 с.
2. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура [Текст] / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом, 1993. – 208 с.
3. Шесталов, Ю. Н. Самая чистая радость [Текст] / Ю. Н. Шесталов. – Л. : Лениздат, 1985. – 192 с.
4. Ульяшев, П. Нужны мне крылья... [Текст] / П. Ульяшев // Литературная Россия. – № 26. – от 26 июня 1987 г. – С. 5.
5. Шесталов, Ю. Н. Собрание сочинений [Текст] / Ю. Н. Шесталов. – Т. 1. – СПб. ; Ханты-Мансийск : Фонд космического Сознания, 1997. – 480 с.
6. Огрызко, В. После потрясений [Текст] / сост. В. В. Огрызко // Мансийская литература. – М. : Литературная Россия, 2003. – 380 с.
7. Зелинский, К. Л. Октябрь и национальные литературы [Текст] / К. Л. Зелинский. – М. : Художественная литература, 1967. – 383 с.
8. Лебедев, В. Д. Манси. Очерк истории литературы [Текст] / В. Д. Лебедев. – Тобольск : [б. и.], 1995. – 159 с.
9. Никульков, А. Край братства народов: Молодая литература Сибири [Текст] / А. Никульков // Молодая гвардия. – 1973. – № 4. – С. 273–275.

References

1. Lapina M. A. *Jetika i jetiket hantov* [Ethics and etiquette of the Khanty]. Tomsk; Ekaterinburg: ООО «Basko» Publ., 2-nd ed., 2008. 120 p.
2. Rombandeeva E. I. *Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura* [The history of the people of the Mansi (Voguls) and their spiritual culture]. Surgut: Severnyj dom Publ., 1993. 208 p.
3. Shestalov Yu. N. *Samaja chistaja radost'* [The most pure joy]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1985. 192 p.
4. Ulyashev P. *Nuzhny mne kryl'ja...* [I need wings...]. *Literaturnaja Rossija* [Literary Russia], 1987, no. 26, p. 5.
5. Shestalov Yu. N. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Saint-Petersburg; Khanty-Mansiysk: Fond kosmicheskogo Soznaniya Publ., Vol. 1. 1997. 480 p.
6. Ogryzko V. *Posle potrjasenij* [Afterr shocks]. *Mansijskaja literature* [Mansi literature]. Moscow: Literaturnaja Rossija Publ., 2003. 380 p.
7. Zelinskiy K. L. *Oktjabr' i nacional'nye literatury* [October and national literature]. Moscow: hudozhestvennaja literature Publ., 1967. 383 p.
8. Lebedev V. D. *Mansi. Ocherk istorii literatury* [Mansi. Essay on the history of literature]. Tobolsk: [w/p], 1995. 159 p.
9. Nikulkov A. *Kraj bratstva narodov: Molodaja literatura Sibiri* [The land of the brotherhood of nations: young literature of Siberia]. *Molodaja gvardija* [The young guard], 1973. no. 4, pp. 273–275.